

Зоряна
Рымаренко

ДЕВОЧКА ИЗ ОДЕССЫ

Екатеринбург,
2021

Фамилию «Шеваровы» и сказочное имя «Зоряна» я помню с детства: разворачивая свежую «Комсомолку», мой папа нередко с одобрением восклицал: «Опять Дима Шеваров!» Речь шла о сыне его друзей — уральских журналистов Зоряны Рымаренко и Геннадия Шеварова. Эта талантливая пара выпускников уральского университета оказалась в Барнауле в 1960 годах и провела здесь десять творческих ярких лет. Геннадий Николаевич работал в газете «Молодежь Алтая», а затем в «Алтайской правде», Зоряна Леонидовна писала для «Молодежки», «Известий» и журнала «Театр». Умение находить и слушать интересных людей, а главное, дружить с ними, создавая их портреты в слове, а затем и на экране, перешло к ней по наследству от родителей, режиссеров-документалистов Леонида Рымаренко и Веры Волянской. О родителях, детстве в Одессе, эвакуации в Новосибирск, учебе в Свердловске, работе в Барнауле и снова в Свердловске и рассказано на страницах книги «Девочка из Одессы», которая вышла в Екатеринбурге в 2021 году.

Пролистывая барнаульские страницы книги, удивляешься облику города и атмосфере тех лет.

«Подписывая направление на работу, мы видели графу: «предоставляется жилье». Когда прилетели вечером и пришли в редакцию со всеми чемоданами, нам сказали, что наше временное жилье в частном доме. К нему нужно было плестись по немощеным пыльным улицам. Тогда в Барнауле было много улиц с номерами — Первая Песчаная, Вторая, Третья...» — так пишет Зоряна Рымаренко о переезде в Барнаул.

В книге есть фотографии Барнаула 1960-х и молодых друзей — журналистской богемы тех лет. Женя Савченко, Юра Яровой, Вадик Явинский, Боря Капустин, Миша Дмитриев, Володя Дурнов, Захар Китай — на фото мальчики и девочки, которые смеются, гуляют, крутят любовь и пластинки под веселым солнцем шестидесятых. А еще эти ребята, труженики и бессребреники, ездят по краю, пишут о передовиках производства и интересных людях, снимают телевизионные программы, ставят спектакли, делают радиопередачи. Заботы о себе, понятий комфорта и хорошей зарплаты они не знают. Лучший друг Зоряны журналист «Молодежки» Олег Гиндин погиб, спасая тонущего ребенка. Героиня ее очерка — библиотекарь из села Малышев Лог Лидия Галич — сутками объезжает с книгами полевые бригады и... сгорает от болезни совсем молодой.

«Не важно, в конце концов, о ком фильм — о колхознике ли, писателе, слесаре или кандидате наук... Потому что нет и не будет на земле главнее должности, чем быть в полном смысле этого слова человеком», — пишет Зоряна Рымаренко в рецензии на фильм Шукшина «Живет такой парень».

Среди барнаульских публикаций Зоряны можно встретить очерк об артисте краевого театра драмы Валентине Мачкасове, заметку о прототипе героя из рассказа Солженицына «Случай на станции Кочетовка», а также очень тонкие кинорецензии на фильмы Ромма, Шукшина, Климова, Хуциева, Михалкова-Кончаловского... Теперь это киноклассика, а тогда эти картины впервые показывали на экранах барнаульских кинотеатров.

Зоряна Рымаренко
и Геннадий Шеваров. 1959.
Фото из книги

**Зоряна Рымаренко
и Борис Капустин**

«Что-то есть на Алтае, в Барнауле такое, что и через полвека не могу забыть... Алтайское притяжение постоянно чувствую», — пишет Зоряна Рымаренко в письме к сыну.

Работая после переезда в Свердловск редактором литературно-драматических передач на местном телевидении, Зоряна Леонидовна продолжала создавать журналистские портреты творческих людей. В книге можно найти очерки и заметки о сотрудниках Государственного Эрмитажа, которые спасали фонды музея в дни войны, о прикованном к постели выдающемся детском поэте Евгении Фейерабенде, об уральском периоде скульптора Веры Мухиной, о хранителях наследия писателя Павла Бажова, о героях книги Мариэтты Шагинян «Урал в обороне» и многих-многих других.

«Самые разные люди — врачи, инженеры, педагоги, студенты, рабочие — делились с телезрителями своими впечатлениями о любимых книгах, стоящих у них на заветной полке, книгах, которые они читают и перечитывают, которые навсегда вошли в их жизнь», — рассказывает о своем телевизионном цикле «Заветная полка» Зоряна Рымаренко.

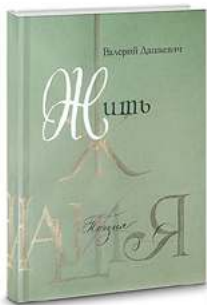
Закрывая книгу, думаешь: «Как жаль, что ушла та потрясающая эпоха книг и стихов, литературно-драматических передач и портретных очерков, «простых героев» и «обыкновенных волшебников»! К чему нам теперь стремиться и чем гореть? Вероятно, только надеждой, что талант, тепло и душевная щедрость не исчезают с уходом человека, а передаются от поколения к поколению, что их сохранит и передаст потомкам и эта любовно изданная книга.

В своем интервью легендарному обозревателю «Комсомолки» Инне Руденко Дмитрий Шеваров дал замечательное определение этой непрерывающейся связи поколений:

— А что меня держит? Наверное, то, что я чувствую себя не только среди близких и друзей, но и звеном в цепи поколений. То есть, с одной стороны, я держусь за дедов и прадедов, которых уже нет, а с другой — за внуков, которых еще нет. Мы все, как рыбаки, вытянувшись вдоль житейского моря, тянем одну сеть.

Очень хочется, чтобы эти сети не прерывались, не рвались, а тянулись из одной эпохи в другую — из 1960-х в 1990-е, а потом в нулевые, а потом снова в шестидесятые... Чтобы талант, вдохновение и любовь к людям не умирали никогда. И конечно, чтобы мы не забыли ту девочку, и ту Одессу, и тот солнечный Барнаул, где она писала свои очерки о сельских библиотекарях, учителях, актерах и поэтах, рассказывая нам про них, а заодно и про себя.

За возможность прочитать книгу спасибо большое Геннадию Николаевичу Шеварову!

Валерий
Дашкевич

ЖИТЬ

Барнаул, 2022

Книгу Валерия Дашкевича, изданную в числе работ победителей краевого издательского конкурса, открывают стихи, помеченные так: «1993, Ленинград». То есть — еще до отъезда за границу, где автор провел почти 30 лет, лишь некоторое время назад переехав в Барнаул вместе с женой, тоже поэтом (и тоже победителем издательского конкурса) Ольгой Родионовой. Я говорю об этом биографическом факте, известном многим, хотя бы потому, что эмиграция оставила в стихах Дашкевича немалый след, то сатирический, то трагический (обе эти ноты хорошо нам известны по стихам русских эмигрантских поэтов всех волн).

Например:

...Над Бруклином луна
Сияет, словно харя дармоеда.
И кажется — вот завтра же уеду...
Но снова дом, крыльечко, два окна
В стране, где, безусловно, можно жить,
Где ты ничем особенно не связан.
Где — как и там — поэтом быть обязан,
А гражданином можешь и не быть (с. 20).

Уехать герой мечтает на Родину,
но увы... Приходится любоваться в небе
дармоедской харей. (Слава Богу, в итоге
пропасть оказывается не так велика,
как во времена Георгия Иванова.)
Или еще — уже с оттенком классического
эмигрантского надрыва.

Я нажрись. Погоди, я сегодня опять
нажрись.
Как ни ёкнет в груди, отдышусь
и рифмую — Русь.
Да поди ж ты на Брайтон,
любого [...] спроси —
Что он хочет сказать о твоей,
о моей Руси... (с. 22).

Как вы думаете, кстати, что за слово пропущено по цензурным соображениям? Я, кажется, догадался. Как верно заметил герой в первом процитированном стихотворении, здесь «как и там». В частности, hate speech нигде не приветствуется. А стихи Дашкевича полны если не обвинений и инвектив, то громких заявлений и вообще — дерзости. Про его героя можно сказать словами одной песенки: «Я вызываю судьбу (а также весь мир, людей, населяющих его) на дуэль!» И в этом смысле стихи, датированные временем до эмиграции и более поздние, принципиально ничем не различаются.

Герой бунтует. Герой обличает. Герой готов к бою, ощущая в себе немалую креативную и прочую силу.

И зарится светило тусклым зраком,
И небо свищет мокрою ноздрей,
Когда во мне упругими толчками
Бунтует жизнь в предчувствии строки...
(с. 29).

Я ли строку бесполезную длю,
Видя разверстые хляби и зыби.
Хочешь, я слово на всех разделю —
Я всемогущ, как Христос на безрыбье...
(с. 211).

Впрочем, по всем законам психологии, активный период сменяется у героя депрессивным, и тогда он думает о том же, и утешается тем же, чем русские поэты всех времен. Не только пьет без просыпа, но и нашаривает курок (воображаемого, к счастью) пистолета.

Потому ль, что эти ночи нескончаемые
длятся,
Потому ль, что просит звука эта
пропасть-тишина
В средней полосе России часто хочется
стреляться,
А тем более — поэту, если боле нет вина
(с. 208).

Холодная твёрдость лепажа
Уймёт рефлекторную дрожь.
И тело бездушное ляжет.
И ты отдохнёшь. Отдохнёшь... (с. 105).

Как и положено романтическому герою (а здесь герой, как вы поняли, именно таков), он вступает в отношения с многочисленными особами противоположного пола. Дается это ярко и лихо (впрочем, с учетом извечной диалектики «весело веселье, тяжело похмелье»). И отнюдь не абстрактно. Именно традиционное романтическое двоемирие, пребывание сразу в нездешнем, высоком и здешнем, низком мире делает любовные истории, описываемые Дашкевичем, столь привлекательными для читателя. Кто ж не узнает свою молодость (и не только молодость) в таком, например, эпизоде.

Под небом пасмурной среды,
Что цвета наших душ,
Слезами вымерзли следы
На бледных лицах луж,
Где мы, продрогшие всерьёз,
Сомкнули рук кольцо.
...и целовал её от слёз
Холодное лицо.
И Бог швырял червонцы в грязь,
И, слыша этот звон,
Какой-то дворник, матерясь,
Нас гнал из парка вон (с. 107).

Книга издана
в рамках краевого
издательского конкурса

Известно, что Валерий Дашкевич исполняет свои стихи под гитару. Этим текстом такой вариант донесения до аудитории очень идет.

В общем, стихи, собранные и в книге, хотя и несут на себе все приметы времени (от описания актуальных реалий до использования популярных в последние полвека ритмических и образных схем) могли быть по своей сути написаны когда угодно. Что в Ленинграде — Петербурге 1993 года, что в Нью-Йорке 2003, что в Барнауле 2023-го. А впрочем — и в Париже, Мадриде, Рио-де-Жанейро каких-нибудь прошлых веков. Но что хорошо — с нашим, русским, уклоном.

Я всё тот же — нахальный,
Как всегда, как тогда...
Я похмельный, пасхальный —
В голове лебеда (с. 196).

Нашел, что называется, чем гордиться! Не скажите. Именно эта стопроцентная, пусть и по-детски наивная порой, уверенность в своем поэтическом предназначении и привлекательности и делает героя Дашкевича действительно симпатичным, а сами стихи живыми и интересными. «Жить!» — этот своеобразный призыв, он же девиз, раздается здесь во весь голос.

Иван Кириллов

Иван
Образцов

**ОЖИВАЮЩИЕ
ХОЛМЫ**

Барнаул, 2022

Иван Образцов, благодаря победе в краевом издательском конкурсе, издал интересную книгу стихов (удачно проиллюстрированную Юлией Кобзевой). Не то, чтобы это утверждение было таким уж комплиментом — «интересность» для стихов ведь не главное. В данном случае этот эпитет относится к тому, что стихи сборника на удивление антипоэтичны. Это, в общем, и не стихи даже, а некая обобщенная литературная субстанция. Так же, как проза Ивана (благодаря которой он добился определенного признания и на российском уровне) — не совсем проза, а его эссеистика имеет мало отношения к подразумеваемому лирико-публицистическому началу. Возможно, Образцов даже создал нечто новое, но тут, честно говоря, я предпочту остаться при старых понятиях. Надеюсь, Иван не обидится, в конце концов, как говорил Рильке, «критика всегда была и будет лишь более или менее удачной формой непонимания того, что создал автор».

За время работы в литературе Образцов сумел добиться от своих строк почти идеального (как не скаламбурить — образцового) послушания. Они дружно выстраиваются в строфы, те — в стихотворения, а те — в книги. Возможно, поэтому для Ивана так важен опыт Дмитрия Воденникова, большого специалиста по размещению стихотворных строчек, а также мыслей и рассуждений, в правильном порядке. Но, на мой вкус, некогда живые и бодрые воденниковские стихи совершенно засахарились, остановились, перестали течь и жить, и всерьез к ним относиться сложно. Воденников не случайно сетует на свое поэтическое молчание (не течет!), иногда выдавая в свет то, что в лучшем случае является памятником стихам, но не самими стихами. Вот эссе (конечно, более низкий, чем стихи, жанр) — другое дело, тут у продуктивного Воденникова немало поклонников, что справедливо.

Для Образцова литература есть повод для самовоспитания, а одновременно и канон, который позволяет удерживать себя «в форме». Не случайно говорят, что культура в обществе играет роль сдерживающего, цензурирующего начала. Вот так и у Образцова — и он сам, и его произведения отцензурированы от и до, сделавшись со временем чрезвычайно культурными. Достойные плоды нелегкой многолетней работы автора над ними и, повторю, над самим собой. Это становится очевидно, если сравнить с «Холмами» сборник десятилетней давности «За гранью глаз», также побеждавший в краевом издательском конкурсе. Времени автор зря не терял. Беда только, что упорное самообразование часто оборачивается скольжением по поверхностности. Культуру нельзя завоевывать, в нее можно и нужно вращаться. Ну и еще раз — культура-культурой, но при чем здесь поэзия?

Я-то считаю, что поэзия это дело веселое, фартовое, если угодно. И уж никак не эстетический дисциплинарный санаторий. Стихи вообще далеки от нормативной культуры, они часть речи, а не языка. Они нарушают и провоцируют, дразнятся и жгут. А если ходят строем — на мой вкус, это и не стихи вовсе. К тому же, честно говоря, маршируют они здесь совсем не безупречно. Продолжая метафору, перед нами не шеренга блестящих гвардейцев, а колонна мобилизованных, даже еще не получивших положенного обмундирования. Но строем! Но по приказу! При том, что отдельные удачные строчки и образы кажутся появившимися вопреки воле автора-командира.

Отпустить бы эти строки на волю, скомандовать «вольно», распахнуть гарнизонные ворота... Да нет. Не побегут. Просто не умеют.

Михаил Гундарин